

АЛЕКСАНДР ГРИБОЕДОВ

*Александр Грибоедов — Фаддею
Булгарину*

Любезный мой Фаддей, я нынче
занемогу,
И воздух нехорош — прокисший
тёплый рислинг.
Коханый мосци пан, дорога —
что острог:
Лишь тем и хороша, что можно
спать и мыслить.

Отечество, Фаддей, имеет два
лица —
Русь и Россия, пан — как вера и
поверье.
Никак не избежать российского
свинца
И русским головам, и русским
подреберьям.

Что внешние враги — за шкуру
потряси...
Мы сами изнутри всегда себя
косили.

Не будет никогда покоя на Руси,
Не будет никогда спокойствия в
России.

И кандалы звенят, и пишутся дела,
И к вилам — не к перу
протягивают руки...
Любезный мой Фаддей, а Нина
тяжела:
Беременность к войне, несчастью,
разлуке?

Как хочется, Фаддей, с вязигой
пирога,
Не резать бы — ломать, и молока
парного.
Вот вспомнилось — с чего? —
ругался мой слуга:
«Чо, шибко умный, что ль?» —
на Дмитрия-портного.

Тот вроде бы ему не выкроил
карман,
Да это ерунда, а выражение —
прелесть.
Ведь только на Руси — в России,
мосци пан —
Шибают не за дурь, за ум, почти
не целясь.

В повозке нашей бок проломлен
третий день,
Не починить в пути — гружённый
воз ударил.
Поймёшь ли ты меня, любезный
мой Фаддей?
Я государства раб, а ты-то
государев.

Кончаю, нездоров — рука и лоб
в огне.
Рад буду получить письмо от
мосци пана.

Здоровья не желай — не
пригодится мне.
Твой навсегда — А.С.

...верста до Тегерана.

ПРО СТРАНУ — БОЛЬШУЮ И МЕНЯ — МАЛЕНЬКУЮ

В этом семьдесят пятом
В Крещение
Все окосели —
И мороз, и «Столичная» —
сорок:

«Закусывай, Дусь!»,
И лежала в снегу —
Не Россия,
Для бабки — Расея,
А для мамы — простой и
понятный Советский Союз.
Были запуски спутников,
План,
Профсоюзные ёлки,
Дефицитный кримплен и у
девушки в парке весло.
И вот в эту страну
Из роддома в Синарском
посёлке

Притащили меня —
Безотцовщину, шворку, хайло.
Через пару годков
Наш сосед — кагэбэшник Карасик,
Нахлебавшись, базлал,
Что взорвали армяне Москву.
Год-то? Семьсят седьмой:
Я сбежала из чертовых ясель,
А Карасик — пропал..
...может, с Богом ему randevu...
В пять я знала от бабки
Про Сталина, ээков и буку,
Приносила дядь Коле
Добавку из нашей пивной,

Но молчала, как пень.
Враз прорвало:
«Чекушка» и «сука»,
А потом уже — «Мишка»...
ну тот, олимпийский, смешной...
Как же он улетал!
Как мы плакали — в
восьмидесятом!
Я не плакала так
В ноябре через парочку лет:
К нам со скорбным лицом
Притащилась вожатая Ната
И сказала, что траур.
Товарища Брежнева —
Нет.
Не дошло до малявки,
Что это скончалась —
Эпоха,
Что её напоследок, по слухам,
уронят в гробу.
А на кухне ворчала соседка —
бывалая Роха:
«Щас закрутит Андропов...
...гляди, не сорвало б резьбу...»
Закрутил бы, да помер...
ну Роха, глядела ты в оба!
Десять стукнуло мне — так
сорвало, завякай-заплачь:
Орденами висят
Сумгаит, Карабах и Чернобыль
На твоём пиджаке —
Не отмоешься, чёртов Горбач.
Паспорт, паспорт! Шестнадцать!
Помада, китайские тряпки,
Навороченной «Кобры»
конфетный сшибающий дух.
Девяносто... да, первый.
Я помню, как плакала бабка.
Павлов, жарко горели
Бумажные сотни старух?
Им в аду догорать —
Чтобы пламя под вами погуще.
Что? Я злая?

Да что вы —
Они ж реформаторы, сэр!
Детство кончилось —
Точкой стоит Беловежская пуца
-
В общем, в том же году,
Как закончился —
СССР.

БУДЬ ПОМЕНЬШЕ

Ты с безверием живи или
с верою,
Хоть апостолом, хоть мытарем
будь —
Метит молния высокое дерево,
Неизменна эта страшная суть.
У прабабки были дети не буками,
Но Степанушко — что мак
у реки:
«За родню всю перешло да
состукало» —
Вечерами бабы жгли языки.
«Знать, не Гришкин... от цыгана
проезжего».
«От учителя — гостил у попа».
«И лицом-то чистый, умный да
вежливый —
Ох, не наша вороняцка крупа».
«Слышь-ко, Анне за сынка не
печалиться —
Переделал все по дому дела».
...в сорок первом похоронна с
печатами
За старинную божницу легла.
Плачь, прабабка, над
бумажечкой серою,
Да кровинушку назад не
вернёшь...
Метит молния высокое дерево —
Или Богу надо тех, кто хорош?

Метит молния высокое — нате вам,
Бог не фраер — забирает шутя.
Не поэтому ли хочется матери,
Чтобы вечно было малым дитя?
Метит молния не курицу —

сокола,

Поджигает не болота — леса.
Выбирают дуры-бабы высокого,
Чтоб гляделками не в грязь —

в небеса,

После платят — крепко молния
жалится,
Топай, дура, в одиночку домой...
...если сможешь, будь поменьше,
пожалуйста,

Мой серебряный, высокий,
прямой...

АЛЛА БИРЗА

К сорока болячку-то нажила —
Да в больничку сбрыкала, вот
буза...

На соседней коечке Нажия
Всё бормочет-молит: «Алла
бирза»*.

След — что от каталок, что от
саней,

Снег — что на больничку, что
на тюрьму.

В этом бабьем царстве ещё
сильней

К мужику мне хочется своему.
Мы чаёк запарили с Нажией —
Третий кипятыльник бабай
принёс,

Санитарка шмон навела с
сестрой —
Два уже забрали, блажат всерьёз.

Нажия базарит — рябой уса
Гнал башкир в снега, что худых
кобыл...

С чем ты, мой хороший, жуёшь
калач?

Или — с кем? Да пусть, лишь бы
мягкий был.

Ах, Алла бирза, матка семь
недель,

Холодна постель — ах, Алла
бирза...

И течёт палатою Агидель,
И глядят мои в синеву глаза.

Нажия, конфетку? Я тоже съем.
Глянь на фантик — пара смешных
ежат.

В левой-то палате кровати
семь —

Семь башкирок-лучниц не там
лежат?

Свет в палатах гасят. Я только
— за,

Спать охота, хватит базар лепить.
Ах, Расея, вся ты — Алла бирза,

Только так и можно в ней —
жить-любить.

НЕСКАЗКА ПРО КОЛОБКА

А у Ленки — кукла ростом с неё,
Домик розовый с картонной

трубой —

На окошке надпись — «куклам
внаём»,

На крылечке куклин зонт
голубой.

А у Ленки Павел Фёдорыч —
дед,

По утрам он ей косички плетёт.
Ленке сорок. Нет мозгов — и

привет.

*Алла бирза — как Бог даст

А у спящих — Божие лицо,
А у деток — Божие вдвойне.
Всё сыздетства... вот куда
дошёл,
Признаёт сама царица-мать».
«Чи-чи-чи... дитёнком — да в
подол:
Спрячь, Марина — лезут
убивать».

Буль-буль-буль...» Да черти
понеси
Тварь-сороку в чёрные кусты!»
...а в лице первейших на Руси
Самозванца видятся черты,
И по жизни — много на кону,
Детям — в игры взрослые играть,
Гришкам — лапоть русую страну,
Нехорошей смертью помирать.
Буль-буль-буль, баклажка...
чи-чи-чи.

Скачет лошадь с Гришкой по
траве,
А в суме — Маринке калачи,
На неделю хватит на Москве...

ВОРОНЫ

На Вороньже каркали, как
черти,
Вороны у свалок и бадей...
Пары у ворон — до самой
смерти,
Что большая редкость у людей.
Малолетка, я совалась шилом —
Не вопросы, мина да патрон —

Негулящей брякнула Людмиле:
«Почему живёте вы с Петром?
Он хромой... а вам чертёжник
Вадя
Клялся ноги мыть, стирать
бельё».
«Где едят, Веруша, там не
гадят...
Знать, к дождю базлает
вороньё».

Эх, Вороньжа, роты золотые,
Танцы-обжиманцы на заре:
Каркали вороны при Батые,
При Иване Грозном и Петре,
Приходили с ночевами дяди,
Брякали в оконное стекло...
«Где едят, Веруша, там не
гадят».

Притаилось. Жило. Проросло.
Да, старею — ближе всё, что
было,
Вспоминаю чаще — есть о ком...
Через годы машет мне Людмила
Петиным подаренным платком.
Где топор, что срубит эти корни?
Глянь — вороны роются в золе...
Слышь, не надо гадить, где
накормят —
В доме. На Вороньже.
На Земле.
...на Вороньже каркали, как
черти,
Вороны у свалок и бадей.
Пары у ворон — до самой
смерти,
Что большая редкость у людей.

